

Piotr Zemszał

Почему не было «чистого социалистического реализма»? О грязи и чистоте в советском идеологическом дискурсе о культуре раннего хрущевского времени

Приступая к поиску ответа на поставленный в заглавии вопрос, следует, во-первых, уточнить, что имеется в виду, когда речь идет о *советском идеологическом дискурсе о культуре*, а во-вторых, уточнить хронологические рамки исследования. Под понятием *советский идеологический дискурс о культуре* подразумевается, в рамках нынешней статьи, совокупность идеологизированных, так или иначе контролируемых советскими властными структурами (напр. цензурой) высказываний, объединенных общей тематикой, т.е. всевозможными проявлениями культурной жизни так в пределах СССР, как и вне его. Понятно, что такой массив текстов не подвергается прямому исследованию и поэтому аналитический материал должен быть выбран по определенным критериям, такими, как: его доступность массовому читателю, степень отражения в нем «советского» мировоззрения и актуальных для данного времени политических и идеологических установок. В данном случае источником материала является центральный печатный орган КПСС – газета «Правда», которая во многом определяла стандарт советского идеологического дискурса в целом, хотя бы по той причине, что она была доминирующим (также с точки зрения тиража) изданием, транслирующим идеологические установки правящей партии. Были проанализированы тексты, затрагивающие проблематику культурной жизни: рецензии, программные выступления представителей мира литературы и искусства во время съездов творческих организаций, тексты иностранных корреспондентов «Правды», освещающие (разумеется, своеобразно) культурную жизнь Запада, статьи, которые печатались по самым разнообразным случаям (юбилеи писателей, воспоминания по случаю кончины или годовщины смерти того или иного писателя, скульптора, художника и т.д.). Всего было проанализировано 399 текстов. Временный охват исследования – 1953–1957 гг., т.е. время перехода от сталинистской к постсталинистской культурной парадигме. Первая из названных дат – год смерти Сталина, вторая – год последнего из серии съездов творческих организаций СССР, во время которых представители творческой среды (те, кто желал оставаться в рамках официальной культурной жизни страны) поддержали доктрину социалистического реализма после нескольких лет борьбы с так

называемой «оттепелью». Текстом, подводящим итоги переходного периода, было опубликованное в «Правде» обращение Никиты Хрущева к деятелям советской культуры «За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа» (28 августа 1957 г.), в котором I секретарь повторял тезисы, озвученные им во время встречи с «творческими работниками» 19 мая 1957 г. О майском выступлении Хрущева писал Александр Твардовский: «Речь Хрущева – она многими благоговейно и дословно записана – рассеяние последних иллюзий. Все то же, только хуже, мельче»¹. Четырехлетний период между смертью Сталина и подтверждением гегемонического статуса социалистического реализма – это время интенсивной борьбы за сохранение этой позиции.

Ключевую роль в этом процессе сыграла основная идеологическая дихотомия СВОИ – ЧУЖИЕ, МЫ – ОНИ, ВРАГИ, тем более, что ввиду ожидаемой после смерти «вождя» идеологической разрядки вторая из названных категорий стала по-настоящему актуальной, угроза (с точки зрения официальной системы СССР) из сферы ритуальной перешла в сферу реальную. Основная дихотомия СВОИ – ЧУЖИЕ нашла свое отражение и в официальном субдискурсе о культуре. Она довольно часто выражается с помощью метафорических формулировок, среди которых чаще всего употреблялись архетипические метафоры². Среди около тысячи метафорических употреблений в исследованных текстах нашлось лишь несколько таких, которые не относятся к этой категории. Преимущество метафор, основанных на культурных архетипах, состояло в том, что они были общепонятны и их употребление гарантировало, во первых, что смысл, вкладываемый говорящим в высказывание, будет донесен до реципиента без каких-либо искажений, а во вторых – это позволяло говорящему избежать рисков, связанных с тем, что оригинальные формулировки не всегда встречались с одобрением «высших партийных инстанций».

К очевидным по своему архетипическому характеру метафорическим дихотомиям следует отнести оппозицию ЧИСТОТА – ГРЯЗЬ. В связи со своей семантикой, которая включает в себя понятие чужеродности, что подчеркивается многими исследователями, она, казалось бы, идеально подходит для выражения дихотомии СВОЙ – ЧУЖОЙ. Как замечает Елена Иманкулова:

Структурирующая сущность представления о чистоте проявляется и в том, например, что чистота может выступать характеристикой «своего» в дихотомии «свой – чужой»³.

Ежи Фарыно, в свою очередь, замечает, что «Составная сема грязного/ чистого – наличие/ отсутствие примеси чего-то инородного»⁴. По мнению

¹ Цит. по: Ю.В. Аксютин, *Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг.*, Изд-во «РОССПЭН», Москва 2010, с. 271.

² См. М. Осборн, *Архетипичные метафоры в риторике: сфера образов «свет – тьма»*, «Политическая лингвистика» 2008, № 26, сс. 182–191.

³ Е.В. Иманкулова, *Трансформация концепта чистоты в культуре России XX века*, «Человек в мире культуры» 2012, № 1, с. 14.

⁴ J. Faryno, *Несколько общих соображений по поводу концептов «грязный/чистый»*, „Studia Litteraria Polono-Slavica” 1999, nr 4, s. 59.

Дмитрия Захарьина, такое сплетение анализируемых понятий закреплено в языке:

Характерно, что старинные обозначения грязи в самых разных языках включают идею отторжения («ис-пращения»), отчуждения (ср. «от-бросы», «от-ходы») или отрицания («не-чистоты»). Ср. также близкие по значению лат. «de-fluksus», «de-cessio», нем. «Un-rat», «Ab-fall», фр. «dé-chet» etc.⁵

Похожее мнение высказывает Екатерина Яковлева, которая отмечает, что «чистота понимается в терминах свободы от «внешних», посторонних элементов»⁶.

Кроме вышесказанного, дихотомия *чистоты* и *грязи* на ассоциативном и коннотативном уровне тесно сплетена с рядом других бинарных пар понятий, которые играли довольно важную роль в формировании образа ЧУЖОГО: святостью и грехом, невинностью и преступлением, правдой и ложью, наконец добром и злом (т.е. нечистью)⁷. Яковлева утверждает, что в культуре древней Руси концепт *чистота* характеризовался, как и много других, своеобразным синкретизмом, но в отличие от других сохранил это свойство. Этот синкретизм (словари дают около 15 значений лексемы *чистый*) является одной из черт концепта, который обуславливает высокий уровень его риторической пригодности. Следовательно, не удивительно, что им пользовались во многих персуазивных дискурсах на протяжении всей истории человечества. Как справедливо замечает Е. Иманкулова:

Представления о чистоте формируются с древности, проникают во все сферы жизни, изменяются с ходом времени. Так, чистота характеризуется разным набором ассоциаций в православном самодержавном обществе, атеистическом и социалистическом или в современном «рыночно-демократическом»⁸.

Изначальное сплетение понятия *чистоты* с сакральным началом придавало самому понятию высокий статус, который сохранился до сих пор. Правда, со временем сакральное отошло на задний план, но его заменили другие важные ценности. *Чистота* стала со временем и с развитием науки ассоциироваться со здоровьем, прогрессом, высоким социальным статусом. В советской России и СССР процесс перехода от сакрального понимания *чистоты* к ее восприятию как показателя прогресса был осложнён из-за последней из названных ассоциаций. В революционное время физическая чистота часто

⁵ Д.Б. Захарьин, *Коллективное очищение в России. Антропологические и социально-исторические аспекты*, «Антропологический форум» 2007, № 6, с. 137.

⁶ Е.С. Яковлева, *О концепте чистоты в современном русском языковом сознании и в исторической перспективе*, [в:] *Логический анализ языка. Языки этики*, ред. Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко, Н.К. Рябцева, Изд-во «Языки славянской культуры», Москва 2000, с. 211.

⁷ М.К. Головановская, *Ментальность в зеркале языка. Некоторые базовые концепты в представлении французов и русских*, Изд-во «Языки славянской культуры», Москва 2009, с. 170.

⁸ Е.В. Иманкулова, *Трансформация концепта чистоты...*, с. 16.

расценивалась как признак принадлежности человека к высшим слоям общества⁹. Вот высказывание рабочего 1920 г.:

Товарищи, при буржуазном строе я ходил в грязной блузе, а паразит, тот, который избивал нашего брата, и кровь его пил, носил галстуки и крахмалы, а теперь и наши товарищи и члены нашей организации унаследовали эти галстуки и крахмалы и сами начали чище буржуазии наряжаться¹⁰.

Очень скоро, однако, чистоплотность (как и здоровье) стала одним из важных признаков новой, социалистической жизни¹¹. Если говорить о метафорически понимаемой *чистоте*, то здесь наблюдается другое явление. При сохранении однозначно положительной маркированности меняется идеологическое наполнение концепта. Категория «святости» заменяется категорией коммунистической идейности. *Чистым* в советском идеологическом дискурсе становится все коммунистическое, СВОЕ, *нечистым* – ЧУЖОЕ, буржуазное, все то, что относится к дореволюционной социальной структуре¹².

Как замечает Даниэль Вайс:

Если первоначально нечистью называли различных противников в Гражданской войне, то позднее так стали называть новых, преимущественно мнимых внутренних врагов сталинской системы, и, наконец, немецкого противника во время войны [...] ¹³.

Екатерина Яковлева подытоживает:

Концепт чистоты в этом языке становится мощным орудием идеологической пропаганды. Достаточно вспомнить о чистке партийных рядов (кстати, в других славянских языках в этом значении используется именно русское слово), о чистоте ленинского учения (далеко не ко всякому «учению» приложимо понятие чистоты), о том, что очиститься [...] можно и от «греха» идейных заблуждений¹⁴.

Интересно то, что в исследуемых мной текстах разные морфологические варианты реализации концепта *чистота* используются с разной интенсивностью. Гораздо чаще, чем прилагательное *чистый* появляется существительное *чистота*. Ещё более удивительным, если учесть персуазивный потенциал

⁹ См. J. Faryno, *Уроки и перспективы «чистоты/грязи/мусора»*, „Studia Litteraria Polono-Slavica” 1999, nr 4, s. 469.

¹⁰ Н.Б. Лебина, *Повседневная жизнь советского города. Нормы и аномалии. 1920–1930 год*, Изд-во «Летний Сад», Санкт-Петербург 1999, с. 207.

¹¹ Е.В. Иманкулова, *Трансформация концепта чистоты...*, с. 16; М.Ю. Гудова, *Советский шик и российский гламур: ценности и репрезентации*, [в:] *Советское прошлое и культура настоящего*, ред. Н.А. Купина, О.А. Михайлова, Изд-во Уральского университета, Екатеринбург 2009, с. 45.

¹² К.А. Богданов, *О чистоте и нечисти. Совполитгигиена*, «Политическая лингвистика» 2009, № 3 (29), с. 43.

¹³ Д. Вайс, *Паразиты, падаль, мусор. Образ врага в советской пропаганде*, «Политическая лингвистика» 2008, № 1 (24), с. 20.

¹⁴ Е.С. Яковлева, *О концепте чистоты...*, с. 213.

концепта и то, что он непосредственно связан с доминирующей дихотомией СВОИ – ЧУЖИЕ, является тот факт, что в 399 текстах понятия *грязи* и *чистоты* используются всего 24 раза (концепт *болезнь*, который не так сильно связан с этой оппозицией используется около 40 раз). Ограниченное использование прилагательного *чистый* легко объясняется тем, что в контексте культуры и искусства XX века оно крепко связано с лозунгом чистого искусства, который воспринимался как проявление чужих, буржуазных настроений. В исследуемых текстах находим эхо этого лозунга, причем оно преподносится в иронической или упрекающей форме, напр.:

(1) Реакционеры и поклонники «**чистого**» искусства всячески пытались опорочить могучий талант Верещагина [1];

(2) Военная судьба нашей литературы, как свет мраку, противостоит судьбе жрецов «**чистого** искусства» буржуазной литературы [2].

Так понимаемая *чистота* была одной из черт истребляемого в СССР так называемого формализма. Анализируемое понятие в форме отрицательно маркированных употреблений прилагательного появляется и вне контекстов, связанных с лозунгом чистого искусства, напр.:

(3) Нельзя дальше мириться с таким положением, когда культработники живут в колхозе или совхозе, где производятся хлеб, мясо, молоко, и совершенно не вникают в производственные дела, занимаются «**чистым** просветительством» [3].

Чистота становится синонимом абстрактности, следует подчеркнуть, что происходит это во время, когда вся советская культурная пропаганда ведет борьбу за «связь искусства с жизнью». Факт, что прилагательное *чистый* сохраняет свою отрицательную маркированность даже вне лозунга «чистого искусства» свидетельствует о том, что эта маркированность стала укрепляться. Следовательно, употребление прилагательного в рамках дихотомической пары СВОИ – ЧУЖИЕ существенно ограничивается.

В анализируемом материале нашлись лишь три употребления прилагательного *чистый* с положительной оценкой, но ни одно из них не представляет собой номинального сочетания, обозначающего искусство или какой-либо его вид.:

(4) Мы убеждены, что подряды на музу не привьются в **чистой** атмосфере нашего искусства [4];

(5) Ничего общего с формализмом не имеет забота о ясности, доходчивой, увлекающей форме произведений советской литературы, как ничего общего с языковым пуризмом не имеет забота о **чистом**, истинно народном богатстве языка в книгах [5];

(6) Она [советская литература] **чиста**, как вода, необходима как хлеб, и щедра и расточительна, как солнце [6].

В исследуемых текстах не говорится о **нашем чистом искусстве*, а о *чистой атмосфере нашего искусства*, не пишется о **чистой советской литературе*, но употребляется предикативная конструкция с добавкой *как вода*, которая исключает восприятие формулировки как эха лозунга формалистов. Именно поэтому исключена и формулировка **чистый социалистический реализм*.

В текстах исследуемого дискурса регулярно используется зато существительное *чистота*, причем в 10 из 12 случаев с определением *идейный*, напр:

(7) В жизненной правде, в **идейной чистоте** сила нашего искусства [7];

(8) Мы должны повседневно заботиться об **идейной чистоте** своих произведений, о боевом характере спектаклей, идущих на нашей сцене [8];

(9) На собрании указывалось, что одной из первоочередных задач является борьба за **идейную чистоту** советской литературы, разоблачение враждебных происков растленной буржуазной идеологии, в частности украинского буржуазного национализма [9];

(10) Деятелям советского искусства приходилось преодолевать многие трудности, отстаивать **идейную чистоту** нашей культуры [10];

(11) Союз художников призван твердо стоять на страже **идейной чистоты** искусства социалистического реализма, решительно пресекать эстетско-формалистические и натуралистические тенденции в творчестве, неразрывно связывать его с жизнью народа [11];

(12) Мы обещаем партии с честью выполнить эту почетную миссию, не жалеть сил в борьбе за **идейную чистоту** и высокую художественность нашего искусства [12];

(13) Писатели, художники, композиторы, работники театров Украины единодушно заявляли о том, что они были и всегда будут верными бойцами партии, слугами народа, что их первоочередной обязанностью является борьба за **идейную чистоту** литературы и искусства, воспитание трудящихся в духе патриотизма и пролетарского интернационализма и дружбы народов, верности делу коммунизма [13].

Чужое в исследуемом дискурсе должно концептуализироваться в свою очередь как *грязь*, причем здесь тоже заметно стремление избегать формы прилагательного. В анализируемом материале нашли лишь 3 употребления:

(14) **Грязную** и фальшивую стряпню по шаблонам стандартных голливудских шпионских фильмов представляет собой картина «Опасная рука» режиссера Самуэля Фуллера, в которой воспроизведена гнусная клевета на американских коммунистов. Показ этого фильма вызвал глубокое возмущение зрителей [14];

(15) Урок венгерских событий, когда контрреволюция использовала в своих **грязных** целях некоторых писателей, напоминает о том, к чему может привести политическая беспечность [...] [15];

(16) Дешевая, **грязная** политика погубила их искусство, загнала их самих в крысиные норки, в безвыходные тупики мрака, насилия, порнографии [16].

Стоит подчеркнуть, что ни одно из этих употреблений так же, как и в случае прилагательного *чистый* не является номинальным сочетанием со словами типа искусство, живопись и т.д. Это легко объяснить тем, что такие употребления сильно укоренившегося дихотомического образа мышления могли бы приводить на мысль противоположные формулировки типа *чистое искусство* по схеме: **если у них грязное искусство, то у нас чистое искусство**, то есть появлялась бы идеологически недопустима ассоциация с лозунгом так называемых формалистов. Интересно то, что еще реже по отношению к категории ЧУЖИЕ, в отличие от существительного *чистота* в случае СВОИХ, употребляется существительное *грязь*:

(17) Кровь и **грязь** пропитывают страницы этих писаний [об американской литературе] [17].

Враг или *чужой* определялся как *грязный* довольно редко по одной причине. Поскольку *чистота* ассоциируется с активностью, то *грязь* – с пассивностью. Как замечает Й. Фарыно: «Грязное – стихийно, признак попустительства, невнимания, неряшливости, несоблюдения определенной культурной дисциплинированности, требовательности к себе»¹⁵. Тот, кто *валяется в грязи* пассивен, следовательно, опасаться его не за чем. Советский образ врага предполагал же, что враг не спит, он опасен, он все время ищет новые способы вредить итд. *Грязный* враг, особенно в XX веке, в отличие от древних времен, когда грязь была признаком варваров, слаб и пассивен. Это наблюдение легко подтверждается если внимательно посмотреть на сатирические картинки из советской печати – всякие *капиталисты*, *западные банкиры* и *англо-американские политики* очень часто изображаются как чистоплотные, выбритые, одетые в белые рубашки с воротничком персонажи. Таким образом мы приходим к ответу на вопрос, который поставлен в заглавии настоящей статьи – почему не было «чистого социалистического реализма» (конечно, в исследуемом дискурсе)? После анализа ряда текстов он становится довольно ясным: его не было и не должно было быть, так как словосочетание **чистый социалистический реализм* слишком сильно ассоциировалось с лозунгом «буржуазного» искусства, а само понятие чистоты не было так уж аксиологически однозначным, как бы казалось на первый взгляд.

¹⁵ J. Faryno, *Несколько общих соображений...*, с. 60.

Литература

- Аксютин Ю.В., *Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг.*, Изд-во «РОССПЭН», Москва 2010.
- Богданов К.А., *О чистоте и нечистоти. Совполитгигиена*, «Политическая лингвистика» 2009, № 3 (29), сс. 39–46.
- Вайс Д., *Паразиты, падаль, мусор. Образ врага в советской пропаганде*, «Политическая лингвистика» 2008, № 1 (24), сс. 6–226 <https://cyberleninka.ru/article/n/parazity-padal-musor-obraz-vraga-v-sovetskoj-propagande/viewer> [дата доступа: 21.02.2020].
- Головановская М.К., *Ментальность в зеркале языка. Некоторые базовые концепты в представлении французов и русских*, Изд-во «Языки славянской культуры», Москва 2009.
- Гудова М.Ю., *Советский шик и российский гламур: ценности и репрезентации*, [в:] *Советское прошлое и культура настоящего*, ред. Н.А. Купина, О.А. Михайлова, Изд-во Уральского университета, Екатеринбург 2009, сс. 39–53.
- Захарьин Д.Б., *Коллективное очищение в России. Антропологические и социально-исторические аспекты*, «Антропологический форум» 2007, № 6, сс. 135–176.
- Иманкулова Е.В., *Трансформация концепта чистоты в культуре России XX века*, «Человек в мире культуры» 2012, № 1, сс. 12–19, <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-kontseptya-chistoty-v-kulture-rossii-xx-veka/viewer> [дата доступа: 21.02.2020].
- Лебина Н.Б., *Повседневная жизнь советского города. Нормы и аномалии. 1920–1930 год*, Изд-во «Летний Сад», Санкт-Петербург 1999.
- Осборн М., *Архетипичные метафоры в риторике: сфера образов «свет – тьма»*, «Политическая лингвистика» 2008, № 26, сс. 182–191, <https://cyberleninka.ru/article/n/arhetipichnye-metafory-v-ritorike-sfera-obrazov-svet-tma/viewer> [дата доступа: 21.02.2020].
- Яковлева Е.С., *О концепте чистоты в современном русском языковом сознании и в исторической перспективе*, [в:] *Логический анализ языка. Языки этики*, ред. Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко, Н.К. Рябцева, Изд-во «Языки славянской культуры», Москва 2000, сс. 200–215.
- Faryno J., *Несколько общих соображений по поводу концептов «грязный/чистый»*, „Studia Litteraria Polono-Slavica” 1999, nr 4, s. 59–62.
- Faryno J., *Уроки и перспективы «чистоты/грязи/мусора»*, „Studia Litteraria Polono-Slavica” 1999, nr 4, s. 467–474.

Источники примеров (газета «Правда»):

- [1] Речь народного художника РСФСР С.Т. Коненкова (Всесоюзный съезд советских художников), *Счастье художника*, 4 марта 1957.
- [2] Доклад А. Суркова, *Состояние и задачи советской литературы* (Второй всесоюзный съезд сов. писателей), 16 декабря 1954.
- [3] Ф. Лебедев, *Очаги культуры в алтайской деревне*, 19 мая 1956.
- [4] С. Шатров, *Подряд на музу* (фельетон), 12 февраля 1955.
- [5] М. Бажан, *Накануне съезда писателей советской Украины*, 2 сентября 1954.
- [6] А. Сардад Джафри, *Литература нового героя*, 24 декабря 1954.

- [7] Вступительная статья, *Высокое призвание советского художника*, 28 сентября 1955.
- [8] А. Черниченко, А. Рабокляч (корр. «П»), *Навстречу славному юбилею. С пленума правления Союза писателей Украины*, 16 января 1957.
- [9] А. Черниченко, А Рабокляч (корр. «П»), *Основной принцип советской литературы*, 15 декабря 1956.
- [10] Н. Гончаров, И. Ильинский, П. Марков, *Ценить и уважать родное искусство*, 25 ноября 1956.
- [11] Вступительная статья, *Высокое призвание советского художника*, 9 марта 1957.
- [12] Всесоюзный съезд советских художников Центральному Комитету КПСС, 8 марта 1957.
- [13] А. Черниченко, А. Рабокляч (корр. «П»), *Связь с жизнью – залог успехов в художественном творчестве. Собрание актива творческой интеллигенции города Киева*, 25 октября 1957.
- [14] Н. Семенов, (руководитель делегации СССР на фестивале в Венеции), *Международный кинофестиваль в Венеции*, 22 сентября 1953.
- [15] Н.С. Хрущев, *За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа*, 28 августа 1957.
- [16] Г. Фаст, *Что значит для нас советская литература*, 17 декабря 1954.
- [17] Ж. Амаду, *Значение советской литературы*, 23 декабря 1954.

Почему не было «чистого социалистического реализма»? О грязи и чистоте в советском идеологическом дискурсе о культуре раннего хрущевского времени Резюме

В статье анализируются способы использования метафорической дихотомии ЧИСТОТЫ и ГРЯЗИ в советском идеологическом дискурсе. Эта оппозиция, казалось бы, является идеальным средством для проведения черты между категориями СВОИ и ЧУЖИЕ, но это не так, если учесть культурный и идеологический контекст коммунистической эпохи. В исследуемом материале (399 текстов идеологического дискурса о культуре, почерпнутых из газеты «Правда») нашлось лишь 24 реализации анализируемых понятий.

Ключевые слова: советский идеологический дискурс, социалистический реализм, ЧИСТОТА, НЕЧИСТОТА, ГРЯЗЬ

Why There Was No “Pure Socialist Realism”? Dirt and Cleanness in the Soviet Ideological Discourse About the Culture in the Early Period of Khrushchev’s Rule Abstract

The two opposing terms of CLEANNES – UNCLEANNES (DIRT) definitely belong to the obvious metaphorical dichotomies used in the Soviet ideological discourse. Taking into account the character of these terms, emphasised by many researcher, they are actually an ideal tool for polarisation of the presented world into the spheres of US and THEM. This relationship between discussed categories, closer than in other cases, results from a perception of dirt

as something foreign, something that does not fit into its surroundings and destroys the accepted order. However, only 24 instances of the terms of cleanness and dirt, reflecting the ideological dichotomy US-THEM, were found in the studied texts. As the discussed opposition is semantically related to a category of strangeness, while the terms of cleanness and dirt represent connotations and associations desirable from the point of view of the propaganda of the day (activity, order, regularity, etc., versus passiveness, disorganisation, randomness, etc.), this number is surprisingly low, considering even definitional association of the term of dirt with the term of strangeness. Apparently, this is caused by two factors. One of them is a strong association of the adjective *чистый* with one of the leading slogans of the “bourgeois” art (*чистое искусство*), and the second is a civilisationally determined perception of a “dirty” enemy as less dangerous.

Key words: soviet ideological discourse, socialist realism, CLEANNESS, UNCLEANNES, DIRT

Piotr Zemszał, dr hab.

ORCID: 0000-0002-0822-8937

Katedra Języków Słowiańskich, Wydział Humanistyczny
Uniwersytet Mikołaja Kopernika w Toruniu

Piotr Zemszał, PhD

Department of Slavonic Languages, Faculty of Humanities

Nicolaus Copernicus University

e-mail: pietruszka@wp.pl

+48 607164921